

An impressionistic painting of a young girl with brown hair in a braid, wearing a white dress, standing on a rocky cliff overlooking a blue sea. The brushstrokes are thick and textured, with a palette of earthy tones and blues.

ЛЕНА ЛЮБИМОВА

АТЛАНТИДА ДЛЯ ОДИНОКОЙ ДЕВЧОНКИ

РАССКАЗЫ

Лена Любимова

**Атлантида для одинокой
девчонки. Рассказы**

«Издательские решения»

Любимова Л.

Атлантида для одинокой девчонки. Рассказы / Л. Любимова —
«Издательские решения»,

Героини рассказов этой книги уже не девчонки. Но ведь в каждой девушке живет девчонка — с хрупкими плечами и надеждой в ясном взгляде — не правда ли?

© Любимова Л.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от автора	6
Окно гостиницы	7
Атлантида для одинокой девчонки	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Атлантида для одинокой девчонки

Рассказы

Лена Любимова

© Лена Любимова, 2016

ISBN 978-5-4474-9783-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от автора

Сама я никогда не читала предисловий. В лучшем случае – читала по диагонали. Однако сейчас, когда наконец-то собрала воедино все рассказы, которые писала в разное время, подумала, что все-таки не вежливо по отношению к читателю не писать предисловий: открываешь книгу, а там сразу первый рассказ или первая глава. Ни здравств, ни до свидания. Поэтому решила соблюсти приличия и написать предисловие.

Без всякого кокетства скажу, что, правда, не гонюсь за славой, публикуя этот сборник рассказов. У меня для его публикации есть два оправдания. Первое – я в школе лучше всех писала сочинения, и теперь мои бывшие одноклассники, читая посты, утверждают, что мне давно надо писать. Я в некотором роде оправдываю их ожидания.

Второе оправдание – я люблю все доводить до конца. Разные отрывки этих рассказов кочевали из планшета в ноутбук, пересылались с одной моей электронной почты на другую. Это длилось не год и не два, пока мне не надоело совсем. Надо было их сложить в одно место.

Раз уж я решила проявить вежливость в предисловии, то нельзя обойтись без выражения благодарности – только одному человечку (мне тоже было не понятно всегда, почему авторы пишут в начале «эта книга посвящается..» и далее идет список на половину страницы). Этот один человечек – моя дочка Юлька. Она отбирала у меня телефон, чтобы я не чатила, а писала. Она требовала от меня рассказать, о чем тот или иной рассказ, чтобы я умела донести главное. Как послушная мама, постаралась выполнить все, что требует моя дочь – если только это не каприз.

«Что толку в книжке, если в ней нет ни картинок, ни разговоров?» – говорила Алиса перед тем, как попасть в Страну Чудес. Увы, в этой книжке нет ни первого, и просто мизер от второго. Рассказы тут «с грустинкой», но может они помогут некоторым одиноким девушкам?

*Ваша,
ЛЛ*

Окно гостиницы

- Мама, а кто там?
- Где?
- Вон там, в другом окне.
- Там дядя.
- А почему у него в домике нет кухни?
- Это не его домик.
- А чей?
- Государственный.
- А где же он ест или пьет чай?
- В баре или ресторане, или в столовой.
- Тоже государственной?
- Да.
- А почему мы должны в магазине покупать, а ему все государство?
- Он тоже скоро вернется к себе домой и тоже будет покупать все в магазине. Он из другого города, а к нам приехал по работе. Это гостиница.

Так Таня услышала это слово. Оно было каким-то непонятным. Начиналось с приятного – «гость», а заканчивалось резко – «ца» и нету.

Окно Таниной детской выходило во двор гостиницы. С их третьего этажа новой ленинградской пятиэтажки был виден номер, расположенный на третьем этаже соседней гостиницы, тоже недавно построенный.

Теперь, узнав от мамы про систему проживания в гостинице, маленькая Танюша всегда радовалась, когда кто-то поселился за «ее» окном гостиницы. Она любила подсматривать, хотя мама и говорила ей, что это не хорошо.

У нее с тех пор появилась новая игра. Если раньше, играя в куклы, она, делая им «домик» – переворачивала свой детский стульчик так, что сиденье образывало две комнаты, то теперь была только одна – гостиничный номер. Каждая ее кукла теперь приезжала в командировку, и была маленькой «командиршей». Когда Танюша отправлялась в садик, ее кукла также отправлялась по важным делам. Что это за дела – Танюша не знала, но понимала, что они были важными

Казалось, что человек, который селился в этот гостиничный номер, занимался простыми делами: смотрел телевизор, читал книгу или газету. Однако утром – Танюша видела – тот, кто жил в этом номере – красиво одевался и уходил. Во всей этой жизни был определенный смысл – непонятный, но очень важный, раз само государство дает этому человеку домик и даже еду.

Танюше очень хотелось, чтобы они с мамой и папой также точно отправились в какой-нибудь город и ели еду в ресторане. Она бы даже отпустила маму и папу по важным делам – она бы смогла побыть в этом номере – посмотреть мультик по телевизору, сидя в том кресле у окна, потом пойти за стол и там порисовать на листочке, или даже сочинить стихотворение.

Танюшка видела, как однажды дядя в «их» номере ходил и что-то читал на листочке, затем убирал листок в сторону и что-то говорил, ритмично подергивая рукой, затем подходил к столу, брал ручку, что-то писал, перечеркивал, чиркал и снова ходил, что-то выкрикивая. Танюша подумала, что он учит или пишет стих. Она никогда не видела, чтобы папа или мама учили стихи, но они их знали много. Значит, взрослые учат стихотворения и читают их, когда никто не видит. Но когда Танюша увидела, как этот дядя за окном так старательно учит стих, она поняла, что взрослые, наверно, этого стесняются – что они тоже учат стихи.

На следующий день, когда Танюшка пришла из садика, она ринулась посмотреть – не учит ли дядя новое стихотворение. Или он и вправду сочиняет? Она лишь увидела, что дядя что-то долго кричал по телефону, потом покидал вещи в чемодан, надел куртку и ушел, а в номере остались разбросанные листы.

Затем пришла горничная, и по тому, с какой сердитостью она собирала оставленные тем дядей листы, Танюша поняла, что это стихотворение, или что там дядя писал – очень сложное, раз он так переживал, а горничной в гостинице написанное на листах тоже не понравилось.

Через год Танюша пошла в школу. Ей казалось, что теперь она уже очень взрослая. Жизнь за окном гостиницы уже перестала быть такой загадочной, или просто становилась более понятной. Танюшка теперь понимала, что те люди, за окном гостиницы, тоже ходили в школу, учили уроки, и у них, наверное, это очень хорошо получалось, раз их потом отправили в командировку. Вот и она, если будет хорошо делать уроки, вырастет и тоже поедет в командировку и будет жить в гостинице.

Как-то Танин папа поехал в командировку в Москву и сказал, что остановится в гостинице. Неожиданно Танюшке вдруг сильно захотелось, чтобы она смогла познакомиться с той девочкой, которая живет напротив папиной гостиницы в Москве. Она бы ей позвонила вечером, и та бы ей рассказала, что ее папа делает в номере, и ходил ли он сегодня по важным делам.

Как-то в окне гостиницы Танюшка увидела даму. У дамы было два больших чемодана, и она их распаковывала. После обеда, когда Танюшка пришла из школы, окно было занавешено. Так было всегда – до вечера окна гостиницы были занавешены, а когда Танюшке пора было спать, она видела, как в той комнате была расставлена стеклянная посуда, на столике – неслыханно! – горела свечи, а дама была в красивом платье. Танюшка удивлялась, откуда у этой дамы в номере столько красивых платьев и украшений. Мама ей покупала платья три-четыре раза в год – на новый год и на школьные праздники. А у этой дамы за окном, казалось, всегда был праздник.

Танюшка рассказала об этом маме и убеждала ее также купить красивые платья ей и себе и каждый вечер зажигать свечи, как та дама за окном гостиницы. Но мама почему-то сказала, что не стоит завидовать красивой жизни, потому что за ней могут стоять очень некрасивые поступки. Таня подумала, что, наверное, поэтому та дама и закрывает шторы. Это было первый раз, когда Танюшка поняла, что важное может быть не только честным, заслуженным, наполненным смыслом, но еще и постыдным, тем, что нужно прятать, но ведь не лишенным красоты.

Та красивая дама жила в номере долго, почти месяц. Как-то она закрывала шторы и увидела Танюшку в окне. Дама сначала растерялась, но потом улыбнулась девочке и даже подмигнула ей. Ее улыбка была искренней, а дама красивой – в тонком платье. Танюшке не верилось, что она может делать что-то плохое.

Когда Таня училась в старших классах, учеба ей давалась тяжело. Нет, она не скатилась в учебе. Она была, как и раньше, отличницей. Вот только учить всего было много. Она в буквальном смысле этого слова видела только свет в окне. В том самом окне. Окне гостиницы.

Она была уверена, что она вытянет эту лямку учебы, поступит в институт, и все у нее будет хорошо. Что она также будет ездить в командировки, работать и отдыхать в таком вот номере...

В итоге Таня получила серебряную медаль и легко поступила в институт.

В студенческие годы «ее» окно долго не включалось. А если там кто-то селился и появлялся свет, то это были мужчины сомнительного вида. Как правило в черных футболках и с цепями. Они много пили, курили. Они назывались по-новому – фирмачи, новые русские или еще как-то... Про них говорили, что они делают бизнес. На самом деле, Таня видела, что они не делают, они только разрушают. «Ее» номер. Который всегда был чистым, уютным, новеньким... Он был всегда рад любому постояльцу. А это мужичье будто царапали его своими цепями... Зачем вообще мужчины стали носить цепи?

И, напротив, квартира Тани, все больше становилась именно домом. Старинная мебель, доставшаяся от маминой профессорской семьи, хоть и занимала много места, но все же давала ощущение именно дома. Мама еще купила дорогой габардин, и сама сшила плотные шторы. Все словно было закрыто от меняющегося мира благородной стариной.

У Тани появилась университетская любовь – Михаил. Признаться, она сначала хотела, чтобы все у них произошло в том самом номере. Тогда это было бы... логично. Номер, который с самого детства ее манил, он обрел бы самое личностное, самое сакральное значение. Но теперь Таня даже боялась. Единственное, что давало ей чувство защищенности – это ее дом. Как у Елены в «Дни Турбиных» – вечность за кремовыми шторами. Ей не хотелось никаких гостиниц. Там все царапалось и крайне остро...

Татьяна теперь считала глупым, что ей мог показаться привлекательным тот гостиничный свет за окном, а свой дом казался чем-то слишком привычным и не успевающим за жизнью. Есть она, есть мама с папой, есть человек, который ее любит. А все остальное – это просто призрачный свет, который, хоть и кажется теплым, на самом деле, таит много не добрых тайн. Татьяна, как никто другой, понимала это.

Подходила к концу Танина учеба. Она ждала от Михаила предложения, но он что-то медлил. Она чувствовала, что ей хорошо с ним. Они хорошо знали родителей друг друга, и даже порой слышали от них намеки на внуков. А предложения все не поступало... Возможно, Миша тяжело переживал увольнение с дипломатической службы своего отца, Романа Николаевича. Раньше он был сыном дипломата, завидным женихом, будущим заграничным переводчиком. Вся жизнь, казалось, будет как приятная прогулка на яхте по спокойной реке с красивыми берегами.

Татьяна видела, что ее Мишку это сильно беспокоит. Она предпочитала не говорить об этом напрямую, но стремилась показать, что Мишка ей нужен сам, а никак сын дипломата, перспективный жених и все остальное. Но, наверно, она не слишком очевидно это показывала...

Изменения в стране шли полным ходом. Уже два года Ленинград стал называться Санкт – Петербургом, появилось много нового. Казалось, что машины стали ездить быстрее. Гостиница напротив была переименована в отель. Как будто от этого она изменилась. Если и изменилась, то отнюдь не в лучшую сторону... Раньше была скромная вывеска – «Гостиница на Заневском проспекте», но было аккуратно прибранное, открытое, без подвоха, внутреннее убранство. Теперь же все было наоборот. Ее окно теперь выходило на отель «Заневский», и она видела, что за громкой вывеской скрывается весьма непривлекательное содержание. Перемены, хоть и происходили быстро, но не всегда к лучшему.

Татьяне хотелось проводить как можно больше времени дома. Не то, чтобы она боялась перемен, нет. Ничто на свете не вечно. Но... Ей не хотелось потерять то светлое, что таилось за тем окном, в новом времени. Этот свет был далеко не призрачным. За ним была жизнь. За ним был свет. И люди.

Татьяна получила диплом, и перед ней остро встал вопрос о работе. Татьяна даже жалела, что пошла изучать французский в своем Герценовском институте. Даже те, кто изучал английский, теперь могли хоть как-то устроиться – теперь все хотели изучать англий-

ский, и ее однокурсники с английского отделения теперь неплохо зарабатывали даже частными урокам. А французский мало кому был нужен. Татьяна знала английский, но почему-то всем надо было диплом с английским.

Несмотря на то, что она была юна, красива, с красным университетским дипломом, ее жизнь словно не хотела идти вперед. Она как будто жила в комнате, окно которой имеет старую добротную оконную раму, которая пропускает свет, но защищает от ветра перемен.

Первый год после окончания вуза Татьяна провела дома. Она пыталась найти работу, но ее, без опыта, никуда не брали. Что вы хотите? – вчерашние профессора дворниками работают, а вы думаете устроиться сразу на денежное место? Не было предложений – ни работы, ни руки с сердцем. Парадоксальные чувства – на многое способен, есть молодой задор и желание творить, а куда все это направить – не знаешь.

Спасали ее друзья и друзья ее родителей. Они приходили и, как прежде, собирались на кухне и болтали обо всем попало. Как и раньше. В этой легкой болтовне на кухне чувствовалась невероятная свобода. Окно кухни выходило не тесный узкий двор. Не такой узкий, как в старых дворах – колодцах, но все же узкий. Из окна кухни было видно больше окон соседнего дома, но не гостиницы. Но как легко лилась их беседа за кухонным столом! Они, своей, уже бывшей студенческой компанией, пили чай и говорили о прочитанных книгах, о том, что они могли бы сделать в жизни, или даже просто болтали на французском. В их разговорах чувствовалась свобода и жизнь...

Весной у Тани все же появился шанс начать трудовую жизнь. Переводчицей на Ленинградский северный завод.

Работа была интересной. Татьяна, такая гуманитарная девчонка, никогда не имела дел с производством. А тут такие цеха, и для чего – оружие!

Бесконечная техническая документация ее не пугала. Наоборот – она чувствовала себя нужной, когда находила на французском слова, которые с трудом понимала на своем родном русском. Все в целях обороны.

Родители Тани старели. Татьяна была поздним ребенком. Но все же казалось, что они никогда не постареют. Татьяна винила в этом время, а не своих родителей. Ее мама могла объяснить, что происходило за окном гостиницы того времени, но она абсолютно не понимала, или абсолютно не принимала тех людей, которые селились сейчас.

Миша тоже потерялся в этом новом времени. Он все больше уходил в себя. Во время их болтовни на кухне он, по большей части, тихо сидел в углу, иногда курил. Таня пыталась хоть как-то втянуть его в разговор, но он только отмахивался.

Так они и шли через эти лихие девяностые. В окне напротив никогда не горел свет. Опасность была везде и нигде. Опасно было открывать бизнес, опасно было вечером выходить на улицу. Но была работа, был дом, и жизнь умеет добавлять день ко дню. Все шло как шло.

Многие Танины подруги мечтали уехать за границу. Их «кухонная» компания постепенно редела. Татьяна не то, что не мечтала и даже не то, чтобы не хотела, просто не понимала, для чего. Ведь если есть то, что тебя держит на определенном месте, для чего стоит уезжать?

Но (ирония судьбы) именно Татьяна и уехала. Случается, что от жизни получает нечто тот, кто меньше всего этого хочет. А может, это просто награда за то, что человек каждый день делает, что должен?

Татьяна вышла замуж и уехала в Палм Бич, во Флориду. Ее мужа (опять ирония) – звали Майк. Большой, красивый дом с видом на океан. Смотришь на это бурлящее чудо волн, и даже не верится, что в ее Ленинграде была маленькая квартира, построенной окно-в-окно с гостиницей. Стекло и свечи в ее просторной гостиной – красота, за которой никто

не следит. Они с Майком много путешествуют, останавливаются в больших красивых отелях, в номерах которых много окон, если не комнат.

О чем же сердце скучает? О том маленьком окне гостиницы, которую сложно назвать отелем? Нет – о той маленькой девочке, которая смотрит на этот мир из окна своей комнатки и видит большой мир людей, проходящих и уходящих из того гостиничного номера. Таких постояльцев больше не будет, ровно, как и той маленькой девочки.

Атлантида для одинокой девчонки

По какой причине – не знаю, но именно зимой это манит особенно сильно.

Я сижу в заснеженной Москве, и при мысли о том, что этот снег скоро растает и станет частью того мирового водного пространства, о котором я никогда не устану мечтать, меня просто бросает в оторопь. Ничего не могу с собой поделать.

Ведь это только внешне у меня все нормально – девушка как девушка, далеко за тридцать, с квартирой в центре мегаполиса, одинокая, но ведь сейчас много таких. А внутри я, быть может, давно страдаю маниакально-депрессивным психозом, и мне, наверно, пора запастись антидепрессантами.

Оглядываясь на прошлое, мне кажется, что я на этом свете как – будто и нежилец. Именно так (надо же!) и сказал батюшка, когда меня крестил. Меня окунали в воду во время обряда крещения, я была вся синюшная после этого.

Но из воды всегда выбиралась. Никогда не могла понять – то ли это меня она выталакивает тихой, подспудной, но все же силой, то ли я сама, вопреки некоему водному притяжению, выбираюсь на сушу.

На суше я вроде бы и не существую. Когда захожу в лифт, мне порой приходится попрыгать, чтобы эта машина почувствовала мой вес и поехала. Когда подхожу к автоматически открывающейся двери, она тоже не всегда распахивается, потому что ее датчик меня просто не замечает.

У меня мало друзей. Пишу я с большим количеством ошибок, не могу ясно выразить свою мысль. Окружающие считают, что я витаю в облаках. Мне уже давно за тридцать, я не сделала карьеру и у меня нет семьи. Я чувствую, что не могу держаться на плаву этой жизни. Но когда меня спрашивают, есть ли что-то, что меня интересует, определенно могу сказать, что только она – Атлантида.

Уверена, что когда нам приходит час покинуть этот мир, то это происходит не так резко, как нам кажется. Ведь и граница между сушей и водой не резкая. Когдаходишь в воду, можно ведь плыть. А можно оттолкнуться, а там – то, что манит, этот сказочный, призрачный свет.

...Я помню, как увидела блики этого света впервые. Тот день моего детства, когда впервые очутилась ТАМ.

Мы приехали на пикник на речку – на обратном пути с дачи. Было жарко, и кто-то из друзей родителей (как же я не помню его имени?) предложил мне покататься на плоту, а мама возилась с моим маленьким братом и видно не совсем понимала всю небезобидность мероприятия. С того самого момента, как плот оттолкнулся, я ощутила струнную смесь чувств – радости, предвкушения чего-то нового, гордости за то, что я одна из детей плыву на плоту – я чувствовала, будто стою на пороге прекрасного бесконечного. От движения плота становилось прохладно – и я даже чувствовала себя выше той мутной воды, по которой плыл плот. Мир не на суше оказался таким приятным. Вдруг – толчок по спине. Я оказываюсь ТАМ. Под водой...

Сначала я шла вниз. Вода в этом пруду была мутной, но через нее пробивался свет. Меня поразило это: вроде, вода мутная, тогда почему пропускает свет? И даже красиво. Помню, как я, стремясь увидеть побольше света, стала судорожно двигать руками и ногами. Когда я все-таки подняла голову над водой, то увидела на берегу маму, которая бегала вдоль и поперек, выкрикивая какие-то незнакомые плохие слова. Поскольку я не любила, когда мама расстраивается, то решила, что стоит постараться и поплыть к ней. И... поплыла. Сум-

бурные движения моих конечностей сами по себе вдруг стали ритмично, поочередно двигаться. Я выплыла.

Накинув мне полотенце, мама прижала меня к себе. Мне стало тепло. Очень тепло. Я закрыла глаза, и мне вдруг опять привиделся этот свет в той мутной воде.

Мое следующее свидание с Большой водой состоялось в студенческие годы. До этого я, конечно, время от времени посещала бассейн, но плавание почему-то не давало мне тех ощущений, которые дала тогда эта мутная, со светом, вода.

Это была одна из первых моих поездок за границу, на гостеприимное Средиземное море. Сейчас пляжный отдых мне кажется занудно-классическим, а вот тогда это было сказкой.

Я пришла с подругой на пляж и, слегка поджарившись на солнце, решила искупаться. Зашла в прохладную воду и поплыла. Отплыв чуть от берега, я так наслаждалась этим чувством прохлады в знойный день, что стала не просто плыть, а как будто танцевать – я поворачивалась в воде, волны не препятствовали мне, а, наоборот, помогали. Я просто плыла в этой мягкой лазури. Я раздвигала руки, как будто открывая объятия ласковому морю. Это было как флирт с мужчиной, с которым и так понятно, что все будет, и потому «процесс приятен, что радостный исход определен».

Наслаждаясь всем этим, я уплыла настолько далеко, что, когда обернулась, то уже не было видно пляжа. Берега тоже не было видно. Вокруг было море, и все. Я повернулась на триста шестьдесят градусов и поплыла, как мне показалось, в противоположную сторону. Паники у меня не было – ведь я чувствовала, что это море, оно не может меня бросить, оно такое ласковое. У меня есть силы, чтобы доплыть. Я была уверена, что, еще чуть-чуть, и я увижу берег и приветливые пляжные бары отелей. Но сколько бы я не плыла (по моей уверенности, назад) пляжа отеля не было видно. Мне стало страшно. Но я помнила про «солнце в мутной воде» и опять, как в детстве, начала судорожно передвигать конечностями. Ведь я по гороскопу Рыбы, и должна выплыть из любой воды. Но берега видно не было. Совсем.

Тут я заметила... судоходное средство. Я не очень разбираюсь во всем этом надводном транспорте, поэтому не могу сказать, что это было. Вроде не баржа, и не моторная лодка, и уж тем более не яхта.

На этом суденышке было три араба. Один из них помог мне забраться на борт. Я села. Мне было холодно. Такого исхода после ласк я от моря не ожидала. Я была в шоке, как любая брошенная любовником женщина. Это чувство, что «мною просто воспользовались», и «я этого так не оставлю» не покидало меня там, на этом корабле. Ведь получается, что мне не удалось выплыть. В той прохладной воде солнца было слишком много.

Я в принципе не люблю, когда меня водят за нос. По мне, пусть лучше горькая правда, чем поманить, надавить на больную точку, показать в качестве приманки то, чего действительно не достает, а потом с холодной жестокостью вырвать эту сладкую приманку сразу же после того, как ты попробовала, насколько она сладка.

Эти арабы не говорили по-английски, а по-арабски я успела выучить только одно слово: «шонокан» – спасибо. Очевидно, для них самих была неуместной эта ситуация – девушка плывет, на помощь никого не зовет.

Они стали меня рассматривать. Только в этот момент у меня включилось благоразумие. Я в арабской стране, на лодке с тремя мужчинами. На мне только бикини, и у меня нет с собой документов.

Тут показался берег (заплыла я конечно со всей страстью, очень далеко), раз этот буксир вез меня минут пятнадцать. Я жестом указала в сторону берега, и, сказав по-английски, что там беспокоятся и, даже изобразив как могут беспокоиться, я, поблагодарив единствен-

ным известным мне арабским словом, прыгнула в воду. Эти молодые арабы просто не успели ничего ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.